

References

1. Elmslev, L. Prolegomeny k teorii yazyka [Tekst] / L. Yelmslev; per. s angl., sost. V. D. Mazo. – M. : KomKniga, 2006. – 248 s. – (Lingvisticheskoye naslediyе KhKh veka). – ISBN 5-484-00346-6.
2. Karabushchenko N.B. Osobennosti proyavleniya tolerantnosti kak svoystva elitnoy lichnosti // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2013. № 2 (35). S.213-220.
3. Karabushchenko P.L., Priorova I.V., Lebedeva I.V. Akademicheskaya mobilnost rossiyskoy molodezhnoy elity i problemy formirovaniya pozitivnogo imidzha Rossii // Rossiya i Yevropa: svyaz kulturey i ekonomiki: Materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (15 fevralya 2012g.). – V z-kh chastyakh. – Ch.3/ Otv.redaktor Naumov A.V. – Praga, Cheshskaya Respublika: Izd-vo WORD PRESS s.r.o., 2012. – S. 127-133
4. Lebedeva I.V., Bicharova M.M. Brak s inostrannym partnerom – «drugoy» v semye // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2011. № 4. S.315-324.
5. Priorova, I. V. Funktsionalnaya rol nesklonyayemykh zaimstvovaniy v prostom predlozhenii [Tekst] / I. V. Priorova, L. A. Melnikova // Lingvistika i yeye mesto v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve : sb. statey po mat-lam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem / nauch. red. S. V. Chernova. – Kirov : Izd-vo VyatGGU, 2008. – S. 228–236. – ISBN 978-5-93825-613-2.
6. Priorova, I. V. Funktsionalno-kommunikativnyye svoystva nesklonyayemykh imen v yazyke i rechi [Tekst] : monografiya / I. V. Priorova. – Astrakhan : ID «Astrakhanskiy universitet», 2010. – 161 s. – ISBN 978-5-9926-03108-1.
7. Priorova, I. V. Vzaimodeystviye paradigmاتيki i sintagmatiки v russkom yazyke [Tekst] : monografiya / I. V. Priorova. – Astrakhan : ID «Astrakhanskiy universitet», 2010. – 274s. – ISBN 978-5-9926-03-171-0.
8. Priorova, I. V. Funktsionalnyye osobennosti sintagmatiки nesklonyayemogo imeni [Tekst] / I. V. Priorova, L. A. Melnikova // Gumanitarnyye issledovaniya: zhurnal fundamentalnykh i prikladnykh issledovaniy. – 2009. – № 3 (31). – S. 57–65.

ОСНОВЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В РАЗВИТИИ И ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, кандидат философских наук, доцент
Астраханский государственный технический университет
414025, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

Ключевую роль в становлении студента как высококвалифицированного специалиста занимает именно высшее образование, способное переориентировать молодое поколение, желающее добиться успехов в карьере, на качество умений и навыков, которые для этого необходимы. В данной ситуации наиболее целесообразным можно считать поиск объединяющих основ в системе условий и средств образовательного процесса, которые будут способствовать более эффективному и динамичному становлению студента как специалиста в той или иной отрасли. Цель данной статьи состоит в том, чтобы доказать, что важнейшими условиями формирования универсального специалиста являются профессиональная сбалансированность и позитивная мотивация.

Ключевые слова: мотивация, позитивная мотивация, мотивационный баланс, потребность, желание, сознание, первичная потребность, вторичная потребность

BASES OF POSITIVE MOTIVATION IN DEVELOPMENT AND QUALITY IMPROVEMENT OF PERSONNEL POTENTIAL OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION GRADUATES (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)

Gainutdinova Ekaterina V.
Ph.D. (Philosophy), Associate Professor
Astrakhan State Technical University
16 Tatishchev st., Astrakhan, 414025, Russian Federation
E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

The key role in formation of the student as the highly qualified specialist is the higher education, capable to reorient the young generation, wishing to achieve success in career, to quality of skills which is necessary for this purpose. In this situation it can be considered the most expedient the search of uniting bases in the system of conditions and means of educational process which will promote more effective and dynamic student formation as the expert in this or that branch. The purpose of this article is proving that the most important conditions of the universal expert formation are professional balance and positive motivation.

Keywords: motivation, positive motivation, motivational balance, requirement, desire, consciousness, primary requirement, secondary requirement

Динамика общественного развития, стремление к максимальному качеству во всех сферах жизни предполагает то, что отечественный потребитель с каждым годом становится все более требовательным к качеству предлагаемых товаров и услуг, в связи с чем меняется и система отношений в организациях, где приоритетом становится не просто человек, а высококвалифицированный специалист. Ключевую роль в становлении студента как высококвалифицированного специалиста занимает именно высшее образование, способное переориентировать молодое поколение, желающее добиться успехов в карьере, на качество умений и навыков, которые для этого необходимы. В данной ситуации наиболее целесообразным можно считать поиск объединяющих основ в системе условий и средств образовательного процесса, которые будут способствовать более эффективному и динамичному становлению студента как специалиста в той или иной отрасли. Возможно, может показаться, что использование термина «специалист» в соответствии с новыми образовательными стандартами не вполне уместно, поскольку выпускников вузов в настоящее время называют бакалаврами. Однако это не меняет сути образовательного процесса в целом, поскольку, как и раньше, так и сейчас, потенциальный работодатель стремится к обретению грамотного и высококвалифицированного именно специалиста. Иначе говоря, качественное наполнение понятия «бакалавр» сможет обрести функциональный смысл, если в образовательном процессе преподаватели будут стремиться к формированию студента как специалиста, обладающего необходимыми для получения будущей профессии умениями и навыками. В этой связи становится актуальным изучение основ положительной мотивации, которая будет способствовать позитивному восприятию и усвоению необходимых для получения будущей профессии знаний. В этой связи представляется уместным в качестве основания выводить не только набор потребностей, но и смыслообразующие механизмы, источником которых является сознание человека, – это воля, ценности и, как следствие, положительное целеполагание. С точки зрения субстанционально-деятельностного подхода в социально-философской теории мотивация является одной из стадий развития деятельности, где формируется ее информационная программа, определяемая сознательной целепоставкой и варианты ее реализации. В свою очередь, потребность выступает детерминантом человеческой деятельности, но между тем она самостоятельно не способна, в сущности, функционировать без участия сознания, что лишает основания определять действия индивида как деятельность. Однако потребность является тем детерминирующим элементом в деятельности, который ее организует, придавая системность, целостность и интегральность сумме психических свойств субъекта. По сути, деятельность по своему определению может быть свойственна только человеку, имеющего природную особенность варьировать средства и способы удовлетворения имеющихся потребностей благодаря сознанию, тем самым превращая процесс удовлетворения потребностей в уникальное творчество личности.

В процессе развития представлений о мотивации сформировались общие тенденции, которые определили основные векторы ее исследования, что было обусловлено, в первую очередь, тем, что основные и зачастую противоречивые позиции относительно понимания не только сути мотивационного процесса, но и последова-

тельности включения в деятельность тех или иных мотивационных механизмов вызвало полемику в русле социально-гуманитарного знания и психологии поведения в частности. Б.Ф. Ломов видел в качестве одной из причин формирования разных подходов в понимании мотивации то, что в развитии психологии как самостоятельной области научного знания с самого начала обозначились две главные линии, первая из которых была ориентирована «на естественные науки, а вторая - на общественные» [12, С. 342-343]. Как отмечал Б.Ф. Ломов, в сущности психологи стремились преодолеть двойственность психологической науки, пытаясь объединить данные линии, тем самым чтобы разработать единую теорию, которая «позволила бы раскрыть взаимосвязи данных, которыми располагает каждая из них, неизбежно ведет к постановке проблемы соотношения биологического и социального в человеке» [12, С. 342-343]. Этой же позиции придерживались многие исследователи в дальнейшем. В частности, А.В. Брушлинский, говоря о соотношении «природное»-«социальное», полагал, что первый подход предполагает взаимное опосредование биологического и социального и исходит из положения С.Л. Рубинштейна, который утверждал, что сама природа человека есть продукт истории [20, С. 304], ориентируясь в данном вопросе на позицию К. Маркса, утверждающего, что социальное опосредует биологическое природное [5, С. 114]. Тогда как второй подход, по его мнению, ориентирован на взаимоисключение биологического и социального [5, С. 114]. Причина развития данных научных линий, вероятно, обусловлена изучением человеческого мозга и тех процессов, которые в нем происходят и оказывают влияние на весь организм в целом в физиологии. В этой связи формировались такого рода подходы, одни из которых были ориентированы в определении роли мотивационного процесса на биологическую сущность человека, стремящейся найти природное обоснование действий субъекта; другие подчеркивали уникальность человеческой сущности и пытались обосновать то, что человек получает свое развитие и в природном плане в процессе научения и социальной адаптации, когда вопрос о первоисточнике действия становился для них неактуальными, а значимость приобретали формы и способы индивидуальной реализации тех или иных желаний.

В этой связи соотношение объективного и субъективного в мотивации деятельности на разных исторических этапах формирования представления о ней предопределили развитие таких тенденций в понимании сущности мотивационного процесса, которые обнаруживают себя в дифференцировании следующих подходов: субъектный подход, ориентированный непосредственно на субъекта и те условия и законы, согласно которым он либо развивается, либо наука пытается изучить то, что уже было заложено в субъекте (Ж. Бодрийяр В.И. Власюк, А.Г. Здравомыслов К. Левин, Г. Мюррей, В.С. Магун, А.А. Миголатьев, А.Ф. Лазурский, Н.Н. Ланге, В.И. Ковалев, Л.И. Божович и другие) и существует в неизменном виде (Э. Торндайк, З. Фрейд и т.д.); объектный подход, когда внешний фактор оказывает первостепенное значение и мотивация определяется и зависима от предметного содержания действительности и ситуативной необходимости (Ф.Б. Ломов, В.В. Байлук, И.В. Бестужев-Лада, А.И. Вишняк, В.Н. Логунов, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, В.Г. Асеев а также Э. Фромм, Г. Маркузе, П. Жанэ); субъектно-объектный подход (традиция В.М. Бехтерева, С.Л. Рубинштейна, Лурия А.Р., А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, Д.Н. Узнадзе, Д.А. Леонтьева; Х. Хекгаузена, Ж. Нюттена и т.д.), суть которого состоит в попытке синтезировать достижения исследователей, кто объединяет в себе статичное и динамичное начала формирования мотивации; субстанционально-деятельностный (К.Х. Момджян, В.С. Кржевов). Подобные тенденции послужили развитию как противоположных представлений о мотивации (статичные и динамичные мотивационные концепции), а также тех представлений о мотивации, которые пытались найти точки пересечения данных концепций.

Субстанционально-деятельностный подход в социальной философии сочетает в себе основы диалектического материализма в понимании материального детерми-

нанта деятельности и динамику человеческой личности, развитие которой обусловлено зависимостью от общественного развития. Однако с точки зрения субстанционально-деятельностной теории потребности и мотивации разделены, и мотивация строится на основе актуализации потребности в деятельности. В психологии потребность и мотивация неотделимые понятия, и потребность, как правило, включена в мотивацию. Тем не менее, в данном подходе также как и в объектном получило свое развитие марксистское направление, а значит актуализацию, в первую очередь, приобретает социальная и личностная составляющая субъекта и интерес возникает в связи с этим к условиям развития субъекта как внешних, так и внутренних. Однако отличие состоит в том, что субъект в данном контексте рассматривается не как безвольное создание, которое ведомо любыми изменениями внешних тенденций, а здесь в приоритете активность самого субъекта как инициатора всякого действия в сочетании с его неизменной природной заданностью в виде потребностей и реакций на них (А. Маслоу, В.А. Иванников). Близко к данному пониманию мотивации в психологии концепции К. Обуховского, Ж. Нюттена, Е.П. Ильина, которые пытались создать целостное представление о мотивации, включающее те или иные механизмы организации и регуляции в деятельности. Особый интерес в этой связи представляет исследование мотивации В.А. Иванниковым, в ходе которого он обращается к деятельностным механизмам, включая и потребность. При этом ученый, пытаясь отойти от достаточно распространенного подхода, рассматривающего потребность как реакцию на внешние условия жизни и в то же время, не поддерживая позицию о том, что потребность является свойством нуждаться в необходимых условиях и, конечно, отрицает отождествление потребности с нуждой. В этом проявляется влияние марксистской философии и психологии, о чем В.А. Иванников и сам говорит. При этом он отмечает, что «давно признанным фактом считается, что деятельность человека определяется общественными задачами, которые даны в независимой от его сознания системе отношений, а мотивация это опосредованная процессом ее отражения субъективная детерминация человека миром, где жизненный мир выступает единственным побудителем, источником энергии и содержания жизнедеятельности» [9, С. 155]. Вероятно, именно поэтому у В.А. Иванникова доминирует подчинение теории мотивации объективной сущности субъекта и тому, как он существует в системе отношений. Между тем остается непонятным, но совершенно логичным заключение исследователя о разделении источников произвольного действия: потребности и окружающей среды, поскольку реакция на окружающую действительность должна быть обусловлена причиной, поэтому мы не можем реагировать, не видя в этом природной необходимости: «Здесь как раз обнаруживается не пересекающаяся связь двух прямых действий из разных точек, как потребности и окружающая среда, а прямая, на которой обнаруживаются точки последовательно соединенные в действии: потребность окружающая среда (это поиск возможностей для удовлетворения желаний) [9, С. 138]. В качестве альтернативы В.А. Иванников предложил рассматривать потребность как жизненную задачу: «Например, если процесс обмена веществ идет в анаэробных условиях, то потребность в кислороде, а значит в воздухе, содержащем его, отсутствует. Если же обмен веществ предполагает окисление, то потребность в кислороде задается организму. В свою очередь, потребность в кислороде порождает органы дыхания» [9, С. 147]. Однако в данном примере обнаруживается абсолютизированная роль потребностей, что, вероятно, связано с определением потребности как жизненной задачи. Попытка уйти от определения потребности как свойство живого организма уводит исследование еще дальше от истины и в итоге выходит, что организм человека существует для потребности как решение жизненных задач, а не потребности - для поддержания жизни организма. Однозначно сложно согласиться с данным фактом, поскольку определение потребности как жизненной задачи определяет потребность как некий условный теоретический конструкт, который становится лишь знаком наличия необходимости чего-то в деятельности. С одной стороны, В.А.

Иванников справедливо отмечает то, что потребность есть необходимое, но не достаточное условие инициации деятельности, т.к. потребность является причиной начала деятельности, но процесс актуализации и препотентности одной потребности перед другой связана с наличием внешних раздражителей, степени мотивированности того или иного действия. Однако при этом потребность не является условием инициации деятельности, поскольку это не состояние, это детерминант. Кроме того, В.А. Иванников полагает, что «широко распространенное представление о побуждении деятельности потребностями не находит своего подтверждения не только для целенаправленной деятельности, но даже и для поисковой» [9, С. 152], объясняя данный факт тем, что усиление активности животных, лишенных на какое-то время предмета потребности, наблюдается только в тех случаях, когда имеются реальные изменения среды. Между тем подобного обоснования оказывается недостаточно в том случае, если дифференцировать потребность как детерминант деятельности и мотивационную стадию развития деятельности, где посредством сознания осуществляется процесс актуализации потребности, формирование цели и варианты достижения результата с учетом установленной линии поведения, характера, образа жизни и особенностей мировоззрения. Говоря при этом о мотивации, В.А. Иванников абсолютизирует, видимо, роль волевого акта в процессе деятельности, приписывая ему функции других мотивационных механизмов. Данная особенность обнаруживает себя в стремлении исследователя представить структуру мотивационного действия как включающую в себя все этапы волевого акта. В.А. Иванников считая, что трудно вычленив всю структуру мотивационного действия, называет следующие этапы волевого акта, которые должны быть включены в мотивацию: «1) целеобразование (наполнение мотива адекватными целями); 2) принятие решения о действии на основе учета своих желаний, объективных интересов и последствий действий; 3) учет вероятности успеха действия через оценку своих физических и психических возможностей» [9, С. 168]. Между тем с точки зрения субстанционально-деятельностной теории в социальной философии, на которую ученый в своих научных трудах склонен ссылаться, мотивация – это не только воля, поэтому сложно согласиться с тем, что одним из этапов волевого акта является целеобразование, принятие решения. Воля является координатором в выборе тех или иных действий, предпочтений и т.д. выходит так, что исследователь подменяет философское понятие сознание волей, приписывая ей те функции, которыми она не обладает, это не универсальное понятие, способное дать ответ на то, как осуществляется наша деятельность. Кроме того, вероятно в подобной позиции кроется попытка ученого отойти от понятия «смысл действия», поскольку оно напрямую связано с понятием сознание, которое для него является источником порождения ложных смыслов. Между тем нельзя исключить данный процесс из развития мотивации, поскольку она субъективна и каждый человек вправе строить свою линию поведения. Тогда как отождествлять мотивацию только с процессом построения побуждения – значит сузить не только само понятие «мотив» для простоты его понимания и применения, но и понятие «мотивация» и область его понимания. Между тем подобная позиция обусловлена, в первую очередь, желанием исследователя прояснить и скорректировать содержание процесса мотивации, поскольку для него, как и других психологов, мотивация ассоциировалась с мусорной корзиной [9, С. 138]. Проблема заключается в том, что мотивация достаточно сложный процесс и включает различных процессов и механизмов, которые, взаимодействуя между собой, образуют деятельность. Однако одно и то же явление психологи склонны называть различными.

Во взглядах В.А. Иванникова отражается общая установка в психологии на изучение личностной специфики поведения субъекта и тех причин, которые этому способствуют. При этом ориентируясь в своих концепциях на понимание мотивации как системы детерминант деятельности как сознательных, так и бессознательных, пытаются выявить в дальнейшем сферы их влияния на суть и исход действий. По этой

причине совершенно неудивительным является тот факт, что психологи различных направлений пытались и продолжают пытаться дифференцировать произвольное и непроизвольное поведение как способ отделить генотипическую составляющую индивида и ситуативную (личностно-индивидуальную линию поведения). В частности, Д.Н. Узнадзе, изучая произвольное и импульсивное поведение человека, в качестве объединяющей категории рассматривает установку, которую в случае с импульсивным поведением создает актуальная ситуация, а в случае с произвольным поведением ее создает потребности момента [22, С. 151]. Тем самым пытаясь различить качественное содержание детерминантов исследователи прибегают к различным способам для этого: Д.Н. Узнадзе различает «потребности Я и потребности момента» [22, С. 151]; В.А. Иванников в качестве детерминантов рассматривает и потребности, и окружающую среду [9, С. 151]; Г. Олпорт рекомендует различать единицы личности и мотивационные единицы, указывая на то, что детерминантами могут быть как бессознательные, так и сознательные побуждения [17, С. 62]. Между тем сам Г. Олпорт говорил о том, что нельзя ориентироваться в исследовании мотивации только на ситуационные модели поведения, поскольку, на его взгляд, гораздо важнее найти основания целостности личности [17, С. 62].

Попытка соотносить в своих концепциях статичные и динамичные составляющие в деятельности приводит к тому, что несмотря на попытки построения целостных мотивационных концепций, тем не менее, обнаруживаются прежние разногласия в понимании характера ее детерминации. В результате общим в сущности является то, что статичным выступает процесс развития мотивации в деятельности, стадийный механизм исполнения, но не сам характер детерминации как таковой. Большинство современных концепций склонны следовать мнению о том, что деятельность человека начинается с абстрактного желания, который по мере осознания формируется в потребность, тем самым в приоритете поиск обоснования того, что человек – это мыслящее существо и вся его деятельность обусловлена в первую очередь именно этим фактом, поэтому акцент так или иначе делается на динамической составляющей мотивации, что определяет характер и индивидуальность исполнения тех или иных действий. Причем особенность современных исследований в отечественной психологии, связанных с изучением мотивации человека, заключается в том, что основной акцент делается на личностных особенностях человека и условиях внешней среды, влияющих, как кажется, на формирование потребностей. Между тем, это такая же крайность, как ориентироваться на биологическую составляющую человека и объяснять тем самым причины его поведения. Их в большей степени интересуют исследования реакций организма на факторы внешней среды, занимаясь поиском биологических причин даже в таких личностных механизмах деятельности, как постановка цели. Так или иначе, подобные концепции представляют собой попытки изучения мотивации как целостного механизма. Для современных исследователей Ж. Нюттена, Е.П. Ильина, В.А. Иванников, в первую очередь, оказывается наиболее важным придать логичность и последовательность включения и исполнения мотивационных механизмов в их взаимосвязи в процессе деятельности. В этой связи положительная мотивация, по сути, представляет собой мотивационный баланс, который состоит в том, чтобы урегулировать и сделать возможным сосуществование разных взглядов не по принципу взаимоисключения позиций, а гармоничного диалога на общее благо: сочетание естественно-биологического и ценностного.

Позитивность мотивации должна быть обусловлена как внешне, так и внутренне. Сейчас в психологии слово баланс заменили позитивной психологией – успешность, позитивность мышления. Тогда как позитивная мотивация должна включать как внутренний, так и внешний аспекты, поскольку условия общественного развития вносят свои коррективы в развитие субъекта и не всегда положительные.

В этой связи наиболее приемлемо ввести понятие «баланс». Вопрос о сбалансированности пытались решить еще в античности – Эпикур, Демокрит говорили о чув-

стве умеренности. Фактически в Античный период были заложены основы положительной мотивации. Например, Эпикур видел смысл жизнедеятельности человека не в удовлетворении потребностей как таковых, сколько в умеренности их удовлетворения. Именно поэтому, разделяя потребности на три типа, определял последний тип потребностей (не естественные и не необходимые) как те излишества, без которых человек вполне может существовать [3, С. 254]. При этом Эпикур говорил о том, что счастья возможно достичь только тогда, когда человек, «руководствуясь разумом и волей, удовлетворяет эти естественные и необходимые потребности» [3, С. 254].

Проблемой позитивной мотивации в период античности, можно сказать, интересовались также философы-идеалисты, для которых потребность представляла собой содержательную часть каждой личности. Основное внимание привлекала проблема разграничения животных и человеческих потребностей с целью показать особенности, присущие только человеку и его действиям. При этом акцент делался на специфической направленности человеческих действий, стремлению к реализации целей, присущих только разумным существам. В этой связи особого внимания заслуживает философия Сократа, который обозначил предпосылки внешней и внутренней обусловленности мотивации, указав на то, что «большинству людей выгодно и не знать, и не думать, будто они знают: ведь они будут из всех сил стараться сделать то, что они знают или думают, будто знают, и эти старания большей частью принесут им скорее вред, чем пользу» [19, С. 90]. В данном контексте обнаруживается дилемма того, что человек зачастую руководствуется зачастую тем, что ему кажется то, что он делает правильно при этом основанием для осуществления тех или иных действий выступают внутреннее убеждение самого человека, который находит убедительные аргументы в качестве оправдания или выполнения своих действий согласно существующему намерению. Каждому человеку, по сути, свойственно субъективное стремление к тому, чтобы найти объяснение своих желаний, что не всегда бывает верным, поскольку в своих рассуждениях не исключена ошибка понимания того, что действительно нужно, но это, в свою очередь, выступает очень мощным стимулом к построению мотивационной активности по достижению задуманного. Кроме того, в качестве источников действий Сократ определяет блага, которые подразделяет на несколько общих категорий: 1) «прекрасные телесные совершенства» – здоровье, красота, богатство и т.д.; 2) родовитость, власть и почести у себя на родине; 3) Быть рассудительным, справедливым и мужественным, мудрость [19, С. 122]. Наличие указанных благ для Сократа является необходимым условием для того, чтобы стать счастливым. Однако особое место в цепочке благ мыслитель отводит именно мудрости, поскольку согласно его мнению для человека в первую очередь важно знать и понимать то, что он делает и для чего. Здесь обнаруживает себя идеалистическая направленность рассуждений Сократа, который в приоритете, по сути, ставит сознание субъекта, согласно утверждениям Платона: «Поскольку мы все стремимся к счастью и, как оказалось, мы счастливы тогда, когда пользуемся вещами, причем пользуемся правильно, а правильность эту и благополучие дает нам знание, должно, по-видимому, всякому человеку из всех сил стремиться стать как можно более мудрым» [19, С. 125]. Еще Р. Декарт обратил внимание на то, что представления человека о том, что необходимо и то, какими мы понимаем те или иные вещи зависят от нас самих, но также мыслитель абсолютно верно говорит о том, что человек также склонен ошибаться в своих рассуждениях и выбирать не совсем то, что действительно верно. По сути, Декарт один из первых, кто стал говорить об истоках иллюзии, когда желаемое выдаем за действительное: «Мы можем обманываться только тогда, когда вещи, в которые мы верим, некоторым образом составляются нами самими» [8, С. 122]. Мотивация к тому или иному действию получается не всегда бывает объективно правильной, а зачастую субъективно ложной. Применительно к механизму мотивации, конечно, не совсем верно говорить об объективности, поскольку мотивация в основе своей обусловлена сознанием, а сознание и понимание ситуации и всего про-

исходящего в целом субъективно, но тем не менее для разграничения верных и ложных предпочтений вполне целесообразно применять данную терминологию для определения характера причин деятельности.

В качестве обоснования своего предположения Р. Декарт приводит три способа, при помощи которых это заблуждение осуществляется: посредством внушения, посредством предположения или посредством дедукции [8, С. 122]. При этом мыслитель обращает внимание на то, что заблуждение бывает двояким: или допуская нечто большее, либо упуская [8, С. 130]. Современный психолог Ж. Нюттен в дальнейшем активно проводил линию исследования в том, что на поведение человека влияют гомеостатические процессы, и в качестве примера он говорил о том, что «в отсутствие организмических потребностей и достаточной внешней стимуляции индивид может пребывать активно включенным в многообразное альтернативное поведение» [15, С. 35]. В качестве примера приводит поведение маленького мальчика, который увлекшись игрой, игнорирует позывы голода [15, С. 35]. Здесь возникает вопрос не о том, всегда ли потребности при формировании мотивации играют ключевую детерминирующую роль, а о том, что виды потребностей в основе мотивации не всегда носят организмический характер. Здесь наиболее четко прослеживается актуализация мотивационной стадии и того, как внешняя мотивация, основанная на иных, чем биологических потребностях, влияет на актуализацию тех или иных предпочтений, т.е. внешнее не определяет, а контролирует внутреннее.

Если мы имеем дело с пресыщением, то необходимо возвращаться к ощущениям от истоков начала этого процесса (например, человек стремится покупать и гонится за новинками мирового автопрома, то если его посадить в автомобиль отечественного производства с механической коробкой передач, то после поездки на ней некоторое время любая машина повышенной комфортности вождение будет казаться лучшей на свете), либо замещение потребности одну на другую, что мы сами зачастую делаем, не задумываясь.

Фактически истоки позитивной мотивации заложены в соотношении внешней и внутренней мотивации, что определяется необходимостью знать истинные причины своих желаний и стремлений, а также уметь принимать самостоятельно решения в плане выбора предпочтений в условиях современной действительности. А.В. Петровский справедливо отмечает, что необходимость различения внешней и внутренней мотивации заключается в их зачастую несовпадении и нужно четко представлять, что отношение к одному и тому же предмету у каждого субъекта различно [18, С. 72-73]. Если, например, сказать группе людей посмотреть на дерево в окно то каждый для себя будет оценивать увиденное: кто-то будет разглядывать листья какого они цвета, кто-то будет пытаться определить возраст дерева, кто-то будет разглядывать ствол, кто-то ветви. Следует заметить, что чем больше влияние внешней мотивации, тем сильнее у человека формируется защитная реакция в виде возврата и ориентации на инстинктивное поведение. Фактически, мы сталкиваемся с тем, что чем больше информации и возможностей ее получить, тем больше наблюдается тенденция к деградации в плане мотивированности деятельности. Тенденция идет к тому, что люди стали меньше анализировать свои поступки, заниматься самомотивацией и слышать свои потребности (укороченная мотивация, либо ложная), т.е. происходит отчуждение социального Я от личностного: формируется внутренний конфликт, поскольку человек не успевает адаптироваться к тому, как меняется информационно-техническая среда и как обратная реакция, человек упрощается сам в восприятии действительности. Потребность в безопасности актуализируется в сравнении с личностными потребностями в том, что мы заменяем личностное общение общением в социальных сетях, упрощение языка общения в интернете без соблюдения правил и норм языка (без знаков препинания, без орфографических правил написания слов, без усложненных синтаксических конструкций – замена слов и целых предложений знаками и смайликами, замена своих мыслей чужими. Например, ученики на уроках

на поставленные вопросы учителем на рассуждение ищут ответы в мобильной версии интернета, формы контроля знаний, как учеников, так и студентов в виде тестов как оценка точечных знаний, способствуют развитию упрощению ответов на поставленные вопросы, лишая возможности анализа и рассуждения).

В. Франкл очень грамотно разводит понятия внешняя и внутренняя мотивация, пытаясь показать, что сложно совместить действующего человека и управляемого. Согласно его мнению два в одном быть не может, поэтому только от человека зависит, насколько он будет подвержен внешним или внутренним раздражителям и насколько процесс потребления будет для человека управляющим и направляющим механизмом. В связи с этим в своем исследовании он вступает в полемику с Э. Фроммом, З. Фрейдом и К.-Г. Юнгом, которые пытались в первом случае внешние факторы, а во-втором - внутренние сделать абсолютными детерминантами. Справедливо исследователь отмечает важную роль мотивации в деятельности, поскольку именно мотивация позволяет обрести смысл поставленных целей, существующих желаний. При этом для В. Франкла процесс мотивации не ограничивается только вопросом самореализации. Для него очевидна разница между целью и средствами достижения цели [24, С. 93.]. Данная методика в своих результатах доказывает то, что человек зачастую буквально заикливается на чем-то и определенная цель становится навязчивой идеей, но при этом результата так и не достигает. Исследователь отмечает, казалось бы, известный всем факт того, что животные, в отличие от людей, смеяться не могут, т.е. мы способны выражать свои эмоции осмысленно. Если собака, натворив что-то, прячется под кровать, как отмечает В. Франкл, это не в коей мере не связано с тем, что ее мучают угрызения совести, она находится в состоянии тревожного ожидания. Помимо этого данный пример говорит о том, что потребности детерминируют наши действия и мы не всегда можем контролировать физиологические сигналы обнаружения потребностей на уровне эмоций. Например, когда многие нервничают, то краснеют. Согласно позиции В. Франкла это отменить нельзя, но возможно поменять установку: вместо внушения себе того, что краснеть не надо, необходимо сказать: «Вот я сейчас так покраснею и ожидаемое не произойдет» [24, С. 93-94]. Речь у В. Франкла идет о замещении установок на уровне мотивации: если человек мотивирует сам себя, используя ложные мотивации и определяя свои соображения как единственно верными, направленные на нанесение вреда ему же, что приводит к неврозам, то в этих случаях специалисты перенаправляют мотивацию, выбирая в качестве стимула более объективные. Об этом в свое время говорил Ж.-П. Сартр, который полагал, что каждый человек склонен к самообману, т.е. неверно понимает, интерпретирует свои желания: «Сознание скрывает в своем бытии постоянный риск самообмана» [21, С. 62]. Иначе говоря, проблема соотношения внешнего и внутреннего восходит к проблеме соотношения первичных и вторичных потребностей, которую обозначил и обосновал психолог К. Левин, разделивший понятия «потребность» и «квазипотребность» по принципу отличия первичных от вторичных потребностей, что в настоящее время вызывает активную полемику.

Активная полемика среди ученых в отношении разделения первичных и вторичных потребностей вызвана, в первую очередь, тем, чтобы, с одной стороны, дифференцировать качественное отличие человека и животного в деятельностном исполнении, тем самым показав эволюцию его развития и подчеркнуть его социальную сущность; с другой стороны, исследовать и обозначить процесс развития потребностей, начиная с первичных реакций, продолжая удовлетворением промежуточных потребностей в достижении желаемого и ожидаемого результата. Однако такого рода интерпретация проблемы не может представить объективное исследование детерминантов деятельности в связи с тем, что многие ученые в русле такого методологического контекста в своих исследованиях концентрируют свое внимание на средствах или формах удовлетворения первичных потребностей, которые и называют вторичными потребностями. Субстанционально-деятельностный подход в социально-

философской теории, в русле которого разрабатывалась предлагаемая концепция, не поддерживает подобные рассуждения о первичных и вторичных потребностях, поскольку, согласно его методологии, понимание потребности исходит из определения ее как свойства субъекта нуждаться в необходимых условиях существования. В этой связи формы и средства удовлетворения потребностей формируются уже на основе актуализированных, т.е. осознанных, потребностей, что и является в сущности основанием и сутью развития мотивационной стадии. Иначе говоря, возникновение вторичных потребностей закономерно зависит от развития первичных потребностей, обретающих в ходе осознания реальную и понимаемую для субъекта форму. В свою очередь, формы реализации таких потребностей получают свое развитие благодаря, в большей степени, техническому прогрессу, предлагающего индивидам новые и интересные образы желаемого. Авторитетным в данном вопросе является позиция К.Х. Момджяна, согласно мнению которого под потребностью следует понимать свойство всякого организма (включая человека) испытывать необходимость в условиях жизни, без которых она или невозможна или некомфортна [14, С. 40]. Такие необходимые условия К.Х. Момджян называет предметами потребности, отличая их от самой потребности, «которая – в случае с человеком – представляет собой не объект, отличный от субъекта, а неотъемлемое свойство самого субъекта нуждаться в этом объекте» [14, С. 40]. Соответственно с данной концепцией, одна и та же потребность может удовлетворяться с помощью разных предметов или один и тот же предмет может удовлетворять разные потребности.

Проблема разделения потребностей на бытийные и личные нередко зависит от многозначности понимания сути и роли потребностей в деятельности, когда таким образом многие исследователи социально-гуманитарной сферы стремились показать различные грани развития именно человеческих свойств. Между тем такого рода исследования способны завести в тупик по той простой причине, что отождествление потребностей с их предметом, формой приводит к утверждению полидетерминированности деятельности. Иначе говоря, соотношение потребностей и форм реализации компетенций должны быть актуализированы и реализованы в процессе развития таких потребностей, как бытийные и личные (названия данных типов потребностей аналогичны тем, которые указаны в классификациях А. Маслоу и К. Обуховского) [13, 16], направленные на внутреннее и социальное развитие субъекта. А именно: бытийные потребности представлены потребностями в общении; в самоутверждении; личные потребности - потребностями в свободе; в любви; в творчестве, а также эстетическая потребность. Такого рода классификация по сути своей интегральная, поскольку содержание типов потребностей является, своего рода компромиссным решением в дилемме биологического и социального аспектов в деятельности субъектов, определяя представленные потребности как основу деятельности, обусловленную природной сущностью человека. Особенно это является принципиальным в стремлении найти точки пересечения биологических концепций, которые либо стараются свести количество потребностей к минимуму (например, психофизиологи И. Ренчлер, Б. Херцбергер и Д.Эпстайн выделяют такие типы потребностей: познания, экономии сил и вооруженности теми знаниями, навыками и умениями, которые наиболее коротким и верным путем ведут к достижению цели [10, С. 8-10]), либо потребностями называют любые проявления человеческой активности (С. Мюррей, У. Мак-Дугалл).

Согласно предлагаемой концепции в данном исследовании все потребности по сути своей биологические, поскольку обусловлены особенностью жизнедеятельности человека и генетически предопределены. Другое дело, что в процессе построения классификации возникает необходимость дифференцирования потребности на биологические, личностные и социальные для разграничения среды актуализации тех или иных потребностей. При этом как многим исследователям кажется, например, В.Г. Асеев в этом разделении обнаруживается эволюция человека и приобретения уже на генетическом уровне социального опыта и тех функций которые способствуют ком-

фортному существованию в социуме [1, С. 36]. Между тем здесь обнаруживается именно человеческое в плане актуализации, понимании и поиске средств удовлетворения данных потребностей. Формирования эмоционального фона в процессе возрастания желаний, индивидуальная осмысленность своего состояния на основе также личного или постороннего опыта создает образ желаемого, что не всегда бывает действительно. С учетом указанной классификации потребностей [7, С. 93-101], обучение бакалавра должно осуществляться в русле реализации четырех типов потребностей для достижения профессиональной сбалансированности, где четвертое направление представляют собой специфические потребности (профессиональные), которые в сути своей вторичны, но актуализированы в процессе обретения специфического знания, соответствующего выбранному образовательному направлению: 1) Удовлетворение биологических потребностей – человек должен чувствовать себя активным, чтобы жизненные ресурсы могли этому способствовать; 2) Удовлетворение личностных потребностей – человек должен стремиться не просто реализовать себя, а стараться быть постоянно лучше себя настоящего 3) Социальные потребности – человек должен понимать и уметь грамотно общаться с людьми, уметь быть одновременно лидером и работать в команде. Активная жизненная позиция в гармонии с социумом. 4) Профессиональные потребности – умение реализовать себя как специалиста, который способен выполнять ни один вид деятельности, а способен заместить и других. Сейчас в любой сфере необходим универсальный специалист, способный решить любую задачу из его профессиональной области.

В этой связи для формирования повышения положительной мотивации также должны быть установлены критерии разграничения и качественного наполнения тех или иных компетенций.

Относительно баланса как в философии, так и психологии формируются полярные мнения на предмет того, является ли баланс необходимым условием гармоничного развития личности (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, а также Ф. Хайдер и др.), либо, наоборот, является причиной застойных процессов в развитии как личности, так и общества (Л. Фестингер). Например, в гуманистической психологии нарушение баланса потребностей рассматривается как патология. В частности, Г. Олпорт признал здоровьем личности видел в балансе потребностей, поскольку считал, что «факт и нравственный императив связаны теснее, чем могут думать те, кто традиционно пишет о проблемах этики» [17, С. 44]. Кроме того, Г. Олпорт в этой связи справедливо подчеркивал необходимость учета природы человеческих потребностей и мотивов теми философами, кто занимается вопросами морали: «Многое известно о патологиях, которые являются результатом фрустрации и нарушения баланса потребностей. Было бы абсурдным, если бы философы, занимающиеся вопросами морали, сочиняли императивы, полностью обходя эти данные» [17, С. 44].

Л. Фестингер придерживался иной точки зрения в данном вопросе и выдвигал так называемую «теорию когнитивного диссонанса», понимая под диссонансом «существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний (что на его взгляд, само по себе является мотивирующим фактором)» [23, С. 16]. Когнитивный диссонанс, по мнению Л. Фестингера, «может пониматься как условие, приводящее к действиям, направленным на его уменьшение (например, голод вызывает активность, направленную на его утоление). Это - совершенно иной вид мотивации, чем тот, с которым привыкли иметь дело психологи» [23, С. 16]. При этом он не отрицал стремление любого человека к сохранению достигнутой им внутренней гармонии, но также призывает учитывать и то, что существуют несоответствия между убеждениями и актуальным поведением. В качестве примера психолог приводит часто встречающиеся ситуации, когда человек, например, сознавая вред курения для своего здоровья, продолжает курить или, например, человек, который покупает новый автомобиль, может отдать предпочтение экономичности одной модели и с восхищаться дизайном другой. В этой связи исследователь приходит к вы-

воду о том, что «возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса» [23, С. 15]. Между тем по логике представленного рассуждения все равно речь идет так или иначе о стремлении человека к балансу в условиях противоречия внешней и внутренней мотивации. Между тем теория когнитивного диссонанса примечательна тем, что ученый обращает внимание на феномен изменения любого психологического элемента субъекта, которое связано с тем, что если подвергнуть сомнению то, как человек о себе мыслит, то это может способствовать изменению не только в его поведении, но и в изменении отношения к себе, в его, так сказать, самоощущении. В этой связи для психолога вполне определенным является тот факт, что человек «стремится к сохранению достигнутой им внутренней гармонии даже несмотря на то, что в своих мыслях он бывает в чем-то неправ, но старается найти любое обоснование для подтверждения своей правоты. Объясняет он это тем, что существует согласованность между тем, что человек знает, чему верит и тем, что он делает» [23, С. 15-16]. По сути, в данном подходе отражена борьба предпочтений, когда человек пытается обосновывать свое поведение с учетом приоритета конкретной цели. Тем самым здесь уместно ввести понятие «оправдание», когда субъект пытается найти обоснование необходимости тех или иных предпочтений. Диссонанс, как мне кажется, это и называемый ранее исследователя дефицит, неудовлетворение, дискомфорт, что принципе предопределяет механизм актуализации потребности в деятельности субъекта с точки зрения субстанционально-деятельностной теории. Поэтому при анализе мотивационного баланса, конечно, необходимо указывать на присутствие когнитивного диссонанса, но не как мотивирующего механизма самого по себе, а как условия, обосновывающего необходимость воли как проектной формы сознания для самостоятельной координации поведения самом субъектом, так и со стороны наблюдателя. Причем подразумевая под балансом также и умеренность - это не значит вернуться к гедонистическим концепциям античности, это скорее стремление показать понимание умеренности: с одной стороны, умеренность – это страх зависти или презрения, которые становятся уделом тех, кто опьянен удачей; или суетное желание покрасоваться силой духа; а с другой – умеренность в людях, высоко вознесшихся, представляется как желание казаться выше собственного успеха [11, С. 27].

В этой связи условиями формирования позитивной мотивации являются: 1) Прошлые успешные исполнения; 2) Самоактуализация и креативность индивида; 3) Потребность в саморазвитии:

1) Прошлые успешные исполнения. Условием для формирования позитивной мотивации также является прошлые успешные исполнения, о котором в свое время говорил психолог А. Бандура. Он полагал, что прошлые исполнения определяют самооценку в основном через свое воздействие на установление тех или иных стандартов. При этом, как справедливо отмечает А. Бандура, «люди стремятся повышать стандарты исполнения после достижения успеха и снижать их до более реалистического уровня в результате повторяющихся неудач» [2, С. 185].

Кроме того, Бандура также говорил о том, что наиболее уязвимыми к депрессии оказываются склонны люди, которые переоценивают или принижают свои фактические достижения [2, С. 197].

2) Самоактуализация и креативность индивида. Условием для формирования позитивной мотивации также является самоактуализация, креативность индивида. Следуя мнению А. Маслоу в данном аспекте, можно предположить, что «креативным и самоактуализирующимся людям свойственно видеть мир свежим взглядом, по сравнению с большинством они более спонтанны и экспрессивны, поскольку они принимают себя, они более открыты для творчества» [13, С. 20]. Маслоу называет это «первичной креативностью», т.е. озарение и вдохновение, которые «составляют основу подлинного изобразительного искусства, музыки и т. д. при этом он указывает,

что, несмотря на то, что лишь немногие одаренные и подготовленные люди могут добиться настоящего творческого успеха, первичная креативность самоактуализации — это основное проявление нашей человеческой сути» [13, С. 20]. Аналогичным образом рассуждает А. Маслоу, у которого доминирует изначально цель обратить внимание на те основы мотивации, благодаря которым формируется оптимизм у личности, что обусловлено самоактуализацией, креативностью. Причем особое отношение в этой связи складывается к феномену «занижения уровня мотивации» [13, С. 23], что, по мнению А. Маслоу, это «своего рода девальвация человеческой природы, представляющая собой некое подобие паранойи», и что любая полная теория мотивации должна включать и эту переменную [13, С. 23]. Актуальность подобного анализа А. Маслоу видит в том, что для человека является губительным субкультура отчаяния, эта позиция обозначается как «я еще хуже, чем ты» [13, С. 20]. В этой связи его мнение подтверждает вполне очевидный факт того, что такое состояние отчаяния наносит ущерб возможностям человека, поскольку снижает его способность активно действовать, а также добиваться успеха. В этой связи А. Маслоу вводит понятие «психическое здоровье», предполагающее не только ощущение хорошего самочувствия субъектом, но и «является правильным, подобающим и имеет реальные проявления» [13, С. 30-31].

3) Потребность в саморазвитии. Вероятно, источником мотивационного баланса личности является также и потребность в саморазвитии, в самореализации. По этому поводу, говоря о потребности в саморазвитии А.А. Бодалев отмечает, что ее активация в деятельности зависит от социальной значимости и социальной преемственности [4, С. 66]. Вместе с тем данная потребность позволяет субъекту быть активным и не просто принимать действительность как она есть, но и стремиться к ее преобразованию, либо не принятию того, что не устраивает. Баланс состоит не в пассивном восприятии существующей действительности, а в ее активном принятии. В этой связи обращает на себя внимание понятие, введенное А.А. Бодалевым «мотивация пассивного отношения к жизни», что означает истощение у личности резервов для дальнейшего развития, вследствие чего у человека формируется «равнодушно-бездумное принятие действительности, включая самого себя и хроническое непротivление происходящему» [4, С. 66].

Следуя заданной концепции основы положительной мотивации в развитии и повышении качества кадрового потенциала в вузе могут складываться в формировании навыков грамотного общения бакалавров (специалистов) в профессиональном коллективе. Формирование положительной мотивации осуществляется на пересечении внутренней и внешней мотиваций, что выражено во внутреннем настрое на получение удовольствия от того, что ты делаешь. Это в дальнейшем определяет настроение и желание общаться с собеседником, где немаловажное значение играет воля человека, когда мы вопреки нашему состоянию, каким-то жизненным неурядицам можем, руководствуясь конкретной целью, с улыбкой на лице и искренне дружелюбным взглядом расположить к себе человека. Конечно, было бы не лишним и вполне уместным, если созданные условия способствовали формированию внутреннего позитива потенциальных клиентов. Иначе говоря, условия формирования позитивной мотивации — это такие условия, при которых у будущих специалистов формируется внутренняя необходимость самосовершенствования и позитивного настроения в обретении профессионального статуса.

По сути, рассуждая о позитивной мотивации как одного из условий повышения качества кадрового потенциала в вузе в условиях модернизации общества можно говорить о необходимости стремления к мотивационному балансу, который находит свое выражение в сбалансированности внешних и внутренних условий для развития гармоничной личности. При этом не имеется ввиду сбалансированный, значит спокойный без движения и динамики. Баланс — это умение соотносить биологическое и социальное как в себе, так и в обществе, принимая за основную единицу всякого дей-

ствия именно сознание, поскольку без него актуальность как биологических необходимостей, так и социальных определенностей будут лишены логики исполнения. Фактически мотивационный баланс состоит в целостной системе механизмов осознания и поисков возможностей как для реализации, так и ограничения потребностей человека: с одной стороны, внутренне – личностное самовоспитание; с другой – внешнее – обучение самоанализу своих поступков с детства (рассуждение, культура мышления), поскольку ограничение средств и вариантов удовлетворения со стороны общества на уровне законодательства невозможно. Это противоречит условиям развития рыночной экономики, в основе которого заложено конкурентное существование и акцент на прибыли, поэтому со стороны внешнего возможно только деликатная направленность на личностное ограничение и обоснование необходимости в этом, но ни в коем случае как императив.

Если рассматривать проблему положительной мотивации в целом, направленной на развитие и повышение качества кадрового потенциала выпускников вуза, то она может состоять в следующем: 1) Вступление вуза в профессиональные сообщества (ассоциации) с целью формирования положительного имиджа и организации диалога для продвижения своих разработок. 2) Формирование профессиональных соответствий: составление должностного профиля под каждую профессию (профессиональные и личностные характеристики). 3) Вуз – подрядчик (цепочка подготовки специалистов) – вуз должен готовить весь персонал от рядовых до ИТР (подотрасль): УПК при школах, профориентирование, комиссия по присуждению разрядов, наставничество, мотивация. 4) Центр компетенций – посредник между теоретиками и практиками; посредник между бизнесом и образованием. 5) Для работодателя интересен специалист, идущий в ногу со временем: востребован тот, кто постоянно профессионально развивается: признаком хорошего тона для человека, ищущего хорошую работу, – это получение дополнительного образования разного профиля. 6) Усовершенствования методики преподавания путем привлечения практиков (Это возможно достичь посредством заинтересованности потенциального работодателя, который готов заключить договор о сотрудничестве и принимать активное участие в образовании кандидатов на уровне наставничества). 7) Повышение преподавательского авторитета путем зарубежных стажировок. 8) Повышение квалификационных требований относительно практики; внедрение бизнес-симуляций.

Таким образом, основная цель положительной мотивации, диктуемая временем – формирование кадрового потенциала области внутри вузов в рамках тенденции ухода от должности к профессионализму (региональный менеджмент): актуализация умений и навыков; процесс интеграции сферы образования и бизнеса, когда в качестве ответа на актуальный вопрос современного общества о качестве и необходимой профессиональной квалификации должен стать универсальный специалист. В свою очередь, важнейшими условиями формирования универсального специалиста являются профессиональная сбалансированность и позитивная мотивация.

Список литературы

1. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. – 158 с.
2. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
3. Богомолов А.С. Античная философия. – М.: изд-во МГУ, 1985. – 368 с.
4. Бодалев А.А. Психология о личности. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1988. – 188 с.
5. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. – 392 с.
6. Вардомацкий А.Н. Сдвиг в ценностном измерении? // Социс, 1993. № 4. С. 46-55.
7. Гайнутдинова Е.В. Место и роль потребностей в детерминации деятельности. Монография – М.: МПГУ, Прометей, 2012. – 174 с. ISBN 978-5-94845-246-3.
8. Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
9. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.

10. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики: Пер. с англ. / Под ред. И. Ренчлера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна. - М.: Мир, 1995. - 335 с.
11. Ларошфуко Ф. де Максими. - Пер. с фр. - М.: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Изд-во АСТ», 2004. - 796 с.
12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - М.: Наука, 1984. - 445 с.
13. Маслоу А. Мотивация и личность. - СПб.: Евразия, 1999. - 478 с.
14. Момджян К.Х. К вопросу о типологии социальных групп. // Вопросы философии. Изд-во Наука. 2012. №1. С. 39-49.
15. Нюттен Ж. Мотивация, действия и перспектива будущего. / Под ред. Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2004. - 608 с.
16. Обуховский К. Психология влечений человека. - М.: Прогресс, 1972. - 244 с.
17. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. - М.: Смысл, 2002. - 462 с.
18. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. уч. - М.: ИНФРА-М, 1998. - 528 с.
19. Платон. Диалоги. - М.: Мысль, 1986. - 607 с.
20. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. -304с.
21. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. - М.: Республика, 2000. - 639 с.
22. Узнатдзе Д.Н. Общая психология. / Пер. с грузинского Е.Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имедадзе. - М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. - 413 с.
23. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. - СПб.: Ювента, 1999. - 317 с.
24. Франкл В. Воля к смыслу / Пер. с англ. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. - 368 с.

References

1. Aseev V.G. Motivatsiya povedeniya i formirovaniye lichnosti. M.: Mysl, 1976. - 158 s.
2. Bandura A. Teoriya sotsialnogo naucheniya. - SPb.: Yevraziya, 2000. - 320 s.
3. Bogomolov A.S. Antichnaya filosofiya. - M.: izd-vo MGU, 1985. - 368 s.
4. Bodalev A.A. Psikhologiya o lichnosti. - M.: izd-vo Mosk. un-ta, 1988. - 188 s.
5. Brushlinskiy A.V. Subekt: myshlenie, uchenie, voozbrazhenie.-M.: Izd-vo «Institut prakticheskoy psikhologii»; Voronezh: NPO «Modek», 1996. - 392 s
6. Vardomatskiy A.N. Sdvig v tsennoznom izmerenii? // Sotsis, 1993. № 4. S. 46-55.
7. Gaynutdinova Ye.V. Mesto i rol potrebnostey v determinatsii deyatelnosti. Monografiya - M.: MPGU, Prometey, 2012. - 174 s. ISBN 978-5-94845-246-3.
8. Dekart R. Sochineniya v dvukh tomakh. T.1. - M.: Mysl, 1989. - 654 s.
9. Ivannikov V.A. Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regulyatsii. - SPb.: Piter, 2006. - 208 s.
10. Krasota i mozg. Biologicheskie aspekty estetiki: Per. s angl. / Pod red. I. Renchlera, B. Khertsberger, D. Epstayna. - M.: Mir, 1995. - 335 s.
11. Laroshfuko F. de Maksimy. - Per. s fr. - M.: NF «Pushkinskaya biblioteka»: ООО «Izd-vo AST», 2004. - 796 s.
12. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii. - M.: Nauka, 1984. - 445 s.
13. Maslou A. Motivatsiya i lichnost. - SPb.: Yevraziya, 1999. - 478 s.
14. Momdzhyan K.Kh. K voprosu o tipologii sotsialnykh grupp. // Voprosy filosofii. Izd-vo Nauka. 2012. №1. S. 39-49.
15. Nyutten Zh. Motivatsiya, deystviya i perspektiva budushchego. / Pod red. D.A. Leonteva. - M.: Smysl, 2004. - 608 s.
16. Obukhovskiy K. Psikhologiya vlecheniy cheloveka. - M.: Progress, 1972. - 244 s.
17. Olport G. Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. - M.: Smysl, 2002. - 462 s.
18. Petrovskiy A.V., Yaroshevskiy M.G. Osnovy teoreticheskoy psikhologii. uch. - M.: IN-FRA-M, 1998. - 528 s.
19. Platon. Dialogi. - M.: Mysl, 1986. - 607 s.
20. Rubinshteyn S.L. Bytie i soznanie. - M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. -304s.
21. Sartre Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii / Per. s fr., predisl., primech. V. I. Kolyadko. - M.: Respublika, 2000. - 639 s.
22. Uznadze D.N. Obshchaya psikhologiya. / Per. s gruzinskogo Ye.Sh. Chomakhidze; Pod red. I. V. Imedadze. - M.: Smysl; SPb.: Piter, 2004. - 413 s.
23. Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. - SPb.: Yuventa, 1999. - 317 s.
24. Frankl V. Volya k smyslu / Per. s angl. — M.: Aprel-Press, Izd-vo EKSMO-Press, 2000. - 368 s.